

Литературныя новости.

(Сборникъ товарищества „Знаніе“. Книга тридцать девятая).

На первомъ мѣстѣ въ этомъ сборникѣ помѣщенъ рассказъ М. Горькаго: „Случай изъ жизни Макара“. Касается онъ злободневнаго теперь вопроса—о самоубійствѣ. Авторъ привыкъ отзываться на все, что интересуется общество, а по данному вопросу онъ считалъ нужнымъ сказать слово и потому, что самъ въ юности, какъ извѣстно изъ его біографіи, переживалъ подобный случай. Объ этомъ случаѣ онъ и говоритъ въ своемъ рассказѣ.

Но, можетъ быть вслѣдствіе именно близости рассказываемаго къ его личной жизни, —рассказъ его не вышелъ психологически убѣдительнымъ. Онъ вышелъ нѣсколько схематическимъ, какъ бы написаннымъ на заданную тему. Здѣсь развивается положеніе, что къ самоубійству приводитъ отчужденіе отъ людей, тогда какъ чувство связи съ людьми рождаетъ жажду жизни.

Къ сожалѣнію, читатель не переживаетъ съ героемъ того, что привело его къ самоубійству. Авторъ только говоритъ, что герой его, по профессіи булочникъ, почувствовалъ себя, вслѣдствіе чтенія книгъ, отчужденнымъ отъ людей своего круга и не могъ себя почувствовать своимъ среди людей другого круга. Но это слишкомъ отвлеченно. На самомъ дѣлѣ герой долженъ былъ чувствовать жгучіе уколы самолюбія, книги должны были возбудить въ немъ не только чувство отчужденія отъ своего круга, но самый кругъ этотъ долженъ былъ показаться ему слишкомъ узкимъ, и онъ, вѣроятно, чувствовалъ отчаяніе, что судьба судила ему жить въ немъ.

Чувства героя, приведшія его къ самоубійству, нарисованы блѣдно, такъ что самое самоубійство представляется капризомъ. Гораздо лучше обрисовано возрожденіе къ жизни героя послѣ покушенія на самоубійство, подіявліяніемъ того сочувствія, которое вызвало оно къ нему среди знавшихъ его. Искреннее, живое сочувствіе онъ встрѣтилъ среди товарищеско-рабочихъ, на нихъ онъ увидѣлъ, что жизнь его была не бесполезна, потому что въ ихъ души онъ заронилъ сѣмена добра и правды. Рассказъ кончается свойственнымъ теперь Горькому ярко-демократическимъ мотивомъ.

Кромѣ рассказа Горькаго, здѣсь помѣщено большое произведеніе г. Ильи Сургучева: „Губернаторъ“. Произведеніе это выходитъ изъ рамокъ обычной беллетристики „Знанія“. Это произведеніе прямо-таки выдающееся, серьезное, напоминающее по настроенію Л. Н. Толстого, по исполненію отчасти Гончарова, отчасти Чехова. По заглавію можно подумать, что въ произведеніи есть что-либо злободневное. Но на самомъ дѣлѣ здѣсь имѣется въ виду собственно не губернаторъ, а человѣкъ, и въ авторѣ особенно цѣнна способность видѣть за мундиромъ, за официальнымъ положеніемъ людей,—способность, которая все больше теряется въ наше время. Можетъ быть потому, что мундиръ теперь часто убиваетъ все человѣческое.

Авторъ въ своемъ произведеніи разрабатываетъ мотивъ о смерти, который можно считать моднымъ въ наше время. Но разрабатываетъ его не въ томъ декадентски легкомысленномъ стилѣ, какой теперь обыченъ. Онъ рисуетъ здѣсь вліяніе мысли о смерти, какое рисуется въ знаменитой сценѣ у постели больной Анны Карениной, когда Каренинъ дремлетъ съ Бронскимъ, потому что мысль о смерти ставитъ ихъ высоко надъ мелочами жизни. Въ повѣсти г. Сургучева этотъ мотивъ разработанъ подробно.

Его губернаторъ неизлечимо боленъ, знаетъ, что онъ скорѣ долженъ умереть, и мысль объ этомъ измѣняетъ всю его жизнь къ лучшему. Все ему кажется теперь суега суега, и нѣтъ того, что прежде вело часто ко злу, онъ дѣлается добръ и снисходителенъ къ людямъ, онъ приглашаетъ къ себѣ жену, съ которой разошелся потому, что она измѣнила ему, и ближайшимъ къ нему, любимѣйшимъ человекомъ дѣлается дочь, о которой онъ знаетъ, что она собственно не дочь ему. И когда она умираетъ, онъ въ высшемъ порывѣ скорби и милосердія, почти потерявъ рассудокъ, хочетъ освободить всѣхъ арестованныхъ, потому что „виновныхъ нѣтъ на землѣ, а если есть, то въ виновности этой—все виноваты“.

Губернаторъ г. Сургучева умираетъ въ этомъ высшемъ порывѣ совѣсти, которое людямъ кажется безуміемъ. Тонъ повѣсти выдержанъ удивительно хорошо, написана она ярко, и отдѣльные эпизоды ея усиливаютъ впечатлѣніе основной темы. Такова, наприм., любовь полицеймейстера къ женѣ, „цыганкѣ Азѣ“, изъ-за которой онъ стрѣляется и убитъ на дуэли, при чемъ его убійца, самъ чувствуя себя больнымъ и при смерти, вдругъ ощущаетъ всю суега своей любви и дуэли, всю неправость ея.

Повѣсть г. Сургучева настолько значительная по своему содержанію, настолько серьезная, такъ выдержанная и ярко выполненная, что читается она съ увлеченіемъ, даже не хочется замѣчать, что, быть можетъ, дѣйствительность въ ней нѣсколько идеализирована.

А. Ум—скій.